

Урываев В.А., Сенин И.Г.
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ
ДИНАМИКИ ВЫРАЖЕННОСТИ НОРМАТИВНОГО
РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТНЫХ ЧЕРТ В ПЕРИОДЫ
ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В одной из последних своих работ С.Л. Соловьева [7] ссылается на Д.Н. Овсяннико-Куликовского, отмечающего, что психическая норма и патология всегда историчны. Трудно не согласиться с именитым историком, который имел возможности оценить (опираясь на архивные записи) нравы и обычаи людей на протяжении веков и тысячелетий.

Зафиксировать подобные изменения с помощью психодиагностического инструментария представляется задачей если не невозможной, то в значительной степени проблематичной.

В нашем исследовании мы предприняли попытку проследить наличие/отсутствие изменений личностных характеристик на протяжении сравнительно небольшого доступного нам периода – 25 лет. Необходимо отметить, что новейшая история Российской Федерации оказалась в высшей степени насыщенной и богатой на судьбоносные для страны события, наличием и сменой буквально противоположных тенденций. Это создало предпосылки для проведения сравнительного психодиагностического исследования личностных особенностей людей, сформировавшихся в различные (вплоть до контраста) периоды становления страны.

Конечными (2018 год) целями исследования определены:

1. Поиск характеристик личности, которые статистически значимо реагируют (изменяясь в ту или иную сторону) на социально-экономические изменения в обществе.
2. Рейтинговое ранжирование таких изменений с целью определения основных векторов изменений. Соответственно полученным результатам, предусматривается выработка рекомендаций по «динамической» оценке нормативного поведения испытуемых молодого возраста и старше.
3. Сопоставление реагирования на социально-политические изменения юношей и девушек, оценка перспектив изменения характеристик их гендерной идентичности.

Испытуемыми были студенты второго курса Ярославского государственного медицинского университета, лечебного факультета. За счет создания высокой гомогенности сравниваемых групп (выровнены по полу, возрасту, социальному статусу) мы старались улучшить надежность и обоснованность прогностических выводов обследования.

В данной публикации мы остановимся на сопоставлении двух поколений и результатах только одной методики личностного опросника Р.Б. Кеттелла (тест 16-PF [5] нацелен на выявление не отдельных черт, а на многостороннюю полноценную оценку личности). В полном объеме результаты будут представлены позже (сравнение уже трех групп, семи методик, добавление результатов лонгитюдных исследований, комплексный анализ результатов, полученных различными методиками с помощью современных методов математического моделирования).

Первая группа испытуемых прошла психодиагностическое исследование в 1992 году. Соответственно, в группу вошли молодые люди 1973 года рождения, чьи молодые годы (от собственно зачатия и вынашивания [3, 9] до подросткового возраста) пришлось на «до-перестроечный» период развития советского общества [2]. Это поколение мы можем условно обозначить как «советское» («пре-перестроечное»). Оно выросло в условиях стабильной социально-экономической действительности с наличием перспектив работы у родителей, приличной пенсией у старшего поколения, наличием системы «молочных кухонь» для кормящих матерей, яслей, детских садов, пионерских лагерей и проч., и проч.

Вторая группа испытуемых прошла психодиагностическое исследование в 2016 году. Соответственно, в группу вошли молодые люди 1997 года рождения, чьи молодые годы (от собственно зачатия и вынашивания – вспомним, к примеру, год «дефолта», 1998 год - до подросткового возраста) пришлось на «пост-перестроечный» период развития теперь уже «российского» общества. Это поколение мы можем и обозначить как «российское» («пост-перестроечное»). Это поколение выросло в условиях совершенно другой социально-экономической действительности с отсутствием надежных перспектив работы у родителей; с пенсией у старшего поколения, которая не выпол-

няет в полной мере функцию социальной защиты; с разрушенной системой «молочных кухонь» для кормящих матерей, яслей, детских садов, пионерских лагерей и проч., и проч.

Отдельный важный момент связан с тем, что условными или реальными родителями (разница между групповыми срезами – 24 года) «российского» поколения были представители поколения, которые мы обозначили как «советское», к тому же пережившее лихолетье «перестройки».

Здесь можно также заметить, что дефицит комфортных условий развития можно воспринимать и как социально-психологический «вызов», в отношении которого молодое поколение мобилизует свои адаптационные способности, мобилизует «резервы» личностного развития. Мы предположили, что вместе с этими процессами изменяется и социально-психологическая «норма» реагирования, формируются несколько иные «стандарты» (иная нормативность) выраженности личностных черт [6].

Для выявления статистической достоверности различий по шкалам опросника 16-PF между группами испытуемых 1992 года и 2016 года использовался t-критерий Стьюдента для независимых выборок. Для определения нормальности распределения данных использовался критерий хи-квадрат. Группа 1992 года (на данном этапе статистической обработки) составила 243 человека (юношей 117, девушек – 126), группа 2016 года - 197 человек (юношей – 67 человек, девушек – 130 человек). Результаты обработки представлены в Таблицах 1-3.

Табл. 1. Значения t-критерия Стьюдента по шкалам 16-PF для выборок 1992 (n=243) и 2016 (n= 197) годов (сырые баллы)

Факторы	Средние		t	p
	1992	2016		
Фактор А	11	13	5.78	0.01
Фактор В	8	13	9.71	0.01
Фактор С	14	17	6.00	0.01
Фактор Е	13	16	6.23	0.01
Фактор F	16	16	0.85	-
Фактор G	12	13	4.00	0.01
Фактор H	14	16	4.52	0.01
Фактор I	11	13	4.87	0.01
Фактор L	9	12	8.21	0.01
Фактор M	11	14	6.87	0.01
Фактор N	9	12	8.20	0.01
Фактор O	12	16	5.61	0.01
Фактор Q1	9	12	9.10	0.01
Фактор Q2	8	12	11.00	0.01
Фактор Q3	11	13	7.40	0.01
Фактор Q4	12	16	6.71	0.01

Первые же результаты обработки (Табл. 1) обнаруживают выраженные изменения в профиле личностных характеристик у двух групп испытуемых:

- значительно вырос общий адаптационный потенциал «российского» поколения, нестабильность социально-экономического окружения и открывающиеся «новые возможности» (здесь важно не умалить эффект внедрения в общество новых «информационных» технологий, существенно расширяющих возможности работы с информацией у молодых людей, возможности, буквально «расширяющие горизонты» видения и анализа основных проблем становления личности в обществе);

- мы видим рост значений всех факторов, связанных с **«эмоциональной стабильностью/нестабильностью»**, как рост характеристик эмоциональной уязвимости личности («высокие» полюса факторов: I – «эмоциональная сензитивность»; O – «склонность к чувству вины»; Q4 – «высокое психическое напряжение»); так и нарастание «обратной» тенденции, в виде роста фактора С («высокий» полюс фактора С – «Сила Я», «эмоциональная зрелость»);

Соотношение значений факторов Q4/С («соотнесенная фрустрационная напряженность по Ф.Б. Березину [1]) существенно не

меняется, высокие показатели роста напряжения компенсируются усилением «зрелости Я».

- в «русской» группе, безусловно, выдающимися являются характеристики «**интеллектуальных факторов**» опросника 16-PF («высокие» полюса факторов: В – «прекрасная абстрактность суждений»; Е – «активность, смелость суждений»; М – «воображение»; N – «проницательность»; Q1 – «радикализм суждений»);

- также «в «русской» группе существенно выросли показатели «**волевых**» **свойств личности** («высокие» полюса факторов: Е – «активность, смелость»; G – «сильное супер-Эго»; Н – «решительность»; Q3 – «высокий самоконтроль»);

На фоне внутриличностных изменений в сторону усиления зрелости и эффективности факторы из блока межличностных отношений обнаруживают существенно меньший рост. Причем важно отметить, что факторы улучшающие «**микросоциальные**» **отношения** (Е, G, L, N, Q2) показывают все же лучшую динамику, чем **факторы, обеспечивающие «макроадаптацию»** (А, F, H);

Важно подчеркнуть, что повышение факторов, влияющих на макроадаптацию более характерно для поколения «перестройки» (в нашем исследовании это группа студентов, прошедших тестирования в 2006 году, соответственно, увидевшая свет в 1987) [6, 8].

Табл. 2. Юноши, значения t-критерия Стьюдента по шкалам 16-PF для выборок 1992 (n=117) и 2016 (n= 67) годов (сырые баллы)

Факторы	Средние		t	p
	1992	2016		
Фактор А	10	12	2.56	0.01
Фактор В	9	11	2.89	0.01
Фактор С	14	17	3.18	0.01
Фактор Е	15	16	1.38	0.01
Фактор F	16	15	0.96	-
Фактор G	11	12	1.27	-
Фактор Н	15	16	2.23	0.01
Фактор I	10	11	0.87	-
Фактор L	10	12	3.07	0.01
Фактор М	12	13	1.73	-
Фактор N	9	10	2.50	0.01
Фактор О	12	13	1.31	-
Фактор Q1	10	12	3.78	0.01
Фактор Q2	9	12	4.18	0.01
Фактор Q3	11	13	3.51	0.01
Фактор Q4	11	14	2.59	0.01

Табл. 3. Девушки, значения t-критерия Стьюдента по шкалам 16-PF для выборок 1992 (n=126) и 2016 (n= 130) годов (сырые баллы)

Факторы	Средние		t	p
	1992	2016		
Фактор А	12	13	3.14	0.01
Фактор В	8	13	7.00	0.01
Фактор С	13	17	4.19	0.01
Фактор Е	12	15	5.90	0.01
Фактор F	15	16	0.94	-
Фактор G	12	14	2.51	0.01
Фактор Н	13	16	3.19	0.01
Фактор I	12	14	2.87	0.01
Фактор L	9	13	7.00	0.01
Фактор М	11	14	5.31	0.01
Фактор N	9	12	6.05	0.01
Фактор О	14	16	4.09	0.01
Фактор Q1	8	12	6.80	0.01
Фактор Q2	7	12	9.31	0.01
Фактор Q3	11	13	5.21	0.01
Фактор Q4	14	17	4.38	0.01

Даже общий вид представленных в Табл. 2-3 (11 статистически значимых изменений у юношей и 15(!) статистически значимых изменений у девушек) обнаруживает, что более значи-

тельные изменения «перестройка» в жизни российского общества принесла девушкам. При более детальном анализе выясняется, что и глубина изменений у девушек существенно выше. Здесь мы в полном объеме сталкиваемся с тем, что можно характеризовать – условно – как «скрытая гендерная революция». По многим показателям девушки «догнали» юношей.

Рассмотрим результаты, сгруппировав их по уже анализированым «блокам»:

- на фоне общего повышения значений шкал, связанных с **«эмоциональной стабильностью/нестабильностью»** мы обнаруживаем, что именно девушки внесли наиболее весомый вклад в этот рост, значительно (на два-три сырых балла в среднем) повысив показатели шкал, связанных с эмоциональной уязвимостью;

Несмотря на увеличение на два сырых балла в среднем шкал I («эмоциональная сензитивность») и O («склонность к чувству вины»), несмотря на рост в три сырых балла среднего значения фактора Q4 («высокое психическое напряжение»), противоположный по своей направленности фактор C («сила Я», «эмоциональная стабильность») у девушек повысился сразу на 4(!) сырых балла в среднем;

- как мы уже отмечали в «русской» группе, безусловно, выдающимся является рост характеристик **«интеллектуальных факторов»** опросника 16-PF: у девушек выдающийся (+5!!! сырых баллов в среднем) рост показателей шкалы В («прекрасная абстрактность суждений») и очень высокий (+ 4!! сырых баллов в среднем) показатель шкалы Q1 («радикализм, независимость» суждений), на 3! балла – выросли значения остальных шкал («высокие» полюса факторов: E – «активность, смелость суждений»; M – «воображение»; N – «проницательность»);

Заметим, что у юношей эти шкалы выросли значительно меньше, а по шкале M рост статические не подтвержден.

- в «русской» группе у девушек существенно (на величину 3(!) сырых балла в среднем) выросли показатели таких **«волевых» свойств личности** как E («активность, смелость») и H («решительность»); несколько меньше, но существенно, на два сырых балла увеличились значения факторов G («сильное супер-Эго») и Q3 («высокий самоконтроль»);

- существенным представляется у девушек рост значений личностных факторов в сфере **«микросоциальных» отношений**: +5!!! сырых баллов по шкале Q2 (высокие баллы: «самоудовлетворенность, находчивость, предпочтение собственных решений»); на +3! сырых балла увеличились значения шкал E («активность, смелость суждений») и N – «проницательность», «дипломатичность»);

Некоторым противоречием выглядит значительный (+4!! сырых балла) рост по шкале L (высокие значения – «подозрительность», «ревнивость», «разражительность»). Мы придерживаемся той точки зрения, что процесс изменения (роста) личностных характеристик в такой чувствительной сфере как способность к установлению адекватных межличностных отношений не может не сопровождаться и некоторыми издержками, связанными с промахами, ошибками, непониманием намерений других.

- несколько отстает от предыдущих групп личностных черт группа факторов, обеспечивающих «макросоциальную адаптацию» (по одному из факторов – F «импульсивность» - роста нет вообще; по другому – A - он сравнительно небольшой), однако, и здесь девушки дают весомый прирост (+3!! сырых баллов) по фактору «решительность».

Обобщая полученные результаты первого этапа исследования устойчивости и изменчивости черт личности в динамически развивающемся российском обществе можно утверждать следующее.

1. Нормативные характеристики личности, оцениваемые с помощью опросных методов психодиагностики, представляют собой величину, в значительной степени чувствительную к изменениям социально-экономической реальности.

Так, профиль личностных черт, диагностируемый с помощью опросника 16-PF, обнаруживает тенденцию к росту адаптационных возможностей личности при усложнении реалий социально-экономического окружения. Другим словами, неизменность (соответствие ранее выработанным стандартам) нормативных характеристик личности (диагностируемых с помощью опросника 16-PF), с учетом результатов нашего исследования, может быть сигналом легкой дезадаптированности.

2. Наибольшие различия между поколениями «пре-перестроечным» и «пост-перестроечным» отмечены в сфере интеллектуальных качеств личности, чему, безусловно, не может не способствовать расширяющаяся экспансия современных интернет-технологий.

С другой стороны, такой социальный феномен как широкое внедрение интернет-технологий в общественную жизнь, еще раз подчеркивает чувствительность личностных норм к экзогенным, по существу, факторам и ставит вопрос об устойчивости норм оценки средних характеристик интеллекта (особенно в сочетании всех составных интеллектуальной активности).

3. Исследование выявляет значительные изменения гендерных стереотипов поведения в «пост-перестроечном» российском обществе. В этом случае также констатируем необходимость учета социально-исторического контекста в оценке качеств личности (со стороны формулирования нормативных требований).

В нашем исследовании наибольшие изменения продемонстрировали гендерные стереотипы поведения девушек, они во многом стали «догонять» гендерные стереотипы юношей (выравниваться в своих существенных характеристиках). Однако процессы изменений порождают в тоже время сильную тревогу и это, в свою очередь, свидетельствует о незавершенности процесса этих изменений.

Учесть это в формулировании нормативных требований представляет значительную сложность. Одновременно, описанные результаты исследований, нацеливают медицинского психолога на расширение своих компетенций в области социальной психологии.

Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта РГНФ
№ проекта 16-06-00960

Литература

1. Березин Ф.Б., Мирошников М.П., Соколова Е.Д. Методика много-стороннего исследования личности. Структура, основы интерпретации, некоторые области применения. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство «Березин Феликс Борисович», 2011. – 320 с.
2. Журавлева Н.А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. – 336 с.

3. Николаева Е.И. Предсказания детства: возможен ли прогноз здоровья взрослого, основанный на изучении данных развития ребенка (на примере лонгитюдных исследований) // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2016. – № 2(37) [Электронный ресурс]. – URL: <http://mpgj.ru> (дата обращения: 30.06.2016).
4. Психофизиологические критерии индивидуальной реакции в ситуации острого эмоционального стресса / С.Л. Соловьева, В.И. Николаев, Н.П. Денисенко [и др.] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2012. – N 4 (15) [Электронный ресурс] – URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 20.09.2016).
5. Рукавишников А.А., Соколова М.В. Пособие по применению личностного опросника Р. Кеттелла 16 PF. - 3-е изд. – Ярославль: НПЦ «Психодиагностика», 2000. – 34 с.
6. Современные представления о психической норме и патологии: Психологический, клинический и социальный аспекты / отв. ред. Н.Л. Белопольская. – М.: Когито-Центр, 2015. – 293 с. (Клиническая психология).
7. Соловьева С.Л. Психическая норма в медицинской психологии // Современные представления о психической норме и патологии: Психологический, клинический и социальный аспекты / отв. ред. Н.Л. Белопольская. – М.: Когито-Центр, 2015. – С. 23
8. Урываев В.А., Липов В.Н., Витютин Т.А. Время изменений: социальные изменения и изменения личности // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2011. – № 7 (77). – С. 160–164.
9. Aboud F.E., Yousafzai A.K. Global Health and Development in Early Childhood // Annu Rev Psychol. – 2015. – Vol. 66. – P. 433–457.

Рощина И.Ф., Селезнева Н.Д.

КОГНИТИВНЫЕ И НЕКОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПСИХИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У РОДСТВЕННИКОВ 1-ОЙ СТЕПЕНИ РОДСТВА ПАЦИЕНТОВ С БОЛЕЗНЬЮ АЛЬЦГЕЙМЕРА (КАТАМНЕСТИЧЕСКОЕ КЛИНИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Введение. Среди профессиональных задач, которые стоят перед клиническим (медицинским) психологом (нейропсихологом) в работе с пациентами «третьего возраста», следует отметить работу с родственниками пациентов с деменциями позднего возраста с целью выявления у них ранних симптомов мнестикоинтеллектуального снижения, а также проведение психотера-